

«ПОВЕСТЬ О ПЛАВЕ» И ЛЕТОПИСНЫЕ СТАТЬИ ТВЕРСКОГО СБОРНИКА
ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XV в.

Впервые «Повесть о Плаве» как рассказ о событиях 1406–1408 г. упомянул В. С. Борзаковский. Историк отметил, что заглавие «Повести» находится не на месте, а в самой «Повести» события излагаются с нарушением хронологической последовательности¹. Но, поскольку исследователь пользовался текстом Тверского сборника (далее — ТвС), изданным по Погодинскому списку, который в этом месте имеет значительный пропуск, он не смог дать правильной оценки расположению заглавия и текста «Повести». В. С. Борзаковским же было замечено совпадение текста «Повести о Плаве» (речи старцев) с соответствующим фрагментом в Повести о Едигеевом нашествии, которая ему была известна по Никоновской летописи.

А. А. Шахматов касался этого вопроса, анализируя тексты Тверского сборника относительно стилистической и текстуальной близости «Повести о Плаве» и «Предисловия летописца княжения Тферскаго». Выделяя в ТвС за XV в. два тверских источника, он относил «Повесть о Плаве» к гипотетическому «Летописцу княжения Тверского»². Исследователь также отметил текстуальное совпадение «Повести о Плаве» с Повестью о Едигее, используя при этом уже Симеоновскую летопись (далее — Сим)³.

Эта точка зрения была подробно развита в работе А. Н. Насонова, который отнес «Повесть о Плаве» к летописному своду тверского князя Бориса Александровича, предисловие к которому, как полагал ученый, оказалось «не на месте». Вслед за А. А. Шахматовым⁴ А. Н. Насонов допускал, что читающаяся сегодня в ТвС «Повесть о Плаве» представляет собой более позднюю (по сравнению со сводом Бориса Александровича) обработку. С точки зрения исследователя, текст мог быть оформлен в начале XVI в., и тогда Варлаамом, к которому обращается автор «Повести», мог быть митрополит Варлаам, прежде бывший архимандритом Симонова монастыря⁵.

М. А. Ильин в основном ограничился пересказом и историческим анализом «Повести о Плаве». Соглашаясь с А. Н. Насоновым в том, что «Повесть о Плаве» близка «Предисловию летописца княжения Тферскаго», историк предположил, что обращение автора к некоему заказчику, которого он называет «освященнаа главо», есть обращение к Борису Александровичу⁶.

Б. И. Дубенцов, хотя сочувственно ссылаясь на исследования А. А. Шахматова и Н. А. Насонова, отвергал существование «Летописца княжения Тверского» как памятника времени Бориса Александровича, считая, что «Предисловие» относится не к летописи, а к Житию Михаила Александровича⁷. Исследователь возвел «Повесть о Плаве» к своду епископа Арсения 1409 г.⁸, утверждая, что именно к нему обращается автор («освященнаа главо»), а следовательно, «Повесть» должна была быть написана еще при жизни владыки, т. е. до 1409 г.

¹ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. СПб., 1876 (репринт: Тверь, 1994). Приложения. С. 269–270.

² См.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной» // Записки Императорской Академии наук по историко-филологическому отделению. СПб., 1899. Т. IV. № 2. С. 219–231.

³ См.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV–XV вв. // ЖМНП. 1900. № 9. С. 148.

⁴ См.: Шахматов А. А. Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». СПб., 1909. С. 4.

⁵ См.: Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 10. С. 742–745.

⁶ См.: Ильин М. А. Тверская литература XV в. как исторический источник // Труды Историко-архивного института. Т. III. М., 1948. С. 30–35.

⁷ См.: Дубенцов Б. И. «К вопросу о так называемом “Летописце княжения Тверского”» // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 118–157.

⁸ Дубенцов Б. И. «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 176–182. Этой идее последовала и Л. Л. Муравьева (см.: Муравьева Л. Л. Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. М., 1991. С. 174).

Соотношение текстов «Повести о Плавѣ» и Повести о Едигеевом нашествии анализировал Я. С. Лурье в статье «Из наблюдений над летописанием 1-й половины XV в.». Ученый привел общий текст, повторяющийся в «Повести о Плавѣ» Тверского сборника и Повести о Едигее Рогожского летописца (далее — Рог) — Сим, полагая, что ранее это совпадение отмечалось только А. А. Шахматовым⁹. Позднее в статье «Словаря книжников и книжности Древней Руси», посвященной «Повести о Плавѣ», он вновь остановился на взаимосвязи «Повести о Плавѣ» с Повестью о Едигее и заключил, что первая (несмотря на то что она читается в ТвС и имеет лишь частичные совпадения с текстом Рог—Сим), как и вторая, принадлежит перу составителя общего протографа Рог—Сим¹⁰. При этом исследователь неверно оценил как сам текст, так и отразившиеся в нем события. Я. С. Лурье писал, что «Повесть о Плавѣ» — это «летописная повесть о столкновении московской и тверской рати с литовскими войсками в кон. 1407 (6916) г.»¹¹, т. е. ошибочно переносил на конец 1407 г. события осени 1406 г. Крупных столкновений между Витовтом и Василием I, заканчивавшихся перемириями и наконец миром, было три: на Плавѣ (сентябрь 1406 г.), под Вязьмой (август 1407 г.) и на Угре (сентябрь 1408 г.). В изложении Я. С. Лурье, который доверился последовательности известий в этой летописной статье, оказывается, что «вечный мир», заключенный на Угре, предшествовал перемириям на Плавѣ и под Вязьмой, а Витовт предпринимал новый поход на Русские земли, едва заключив мир. На самом деле, в статье, включающей «Повесть о Плавѣ», об одних и тех же событиях говорится по нескольку раз, разъясняя причины поступков князей, автор обращается к сюжетам более ранним и т. д.

Характерно, что ученые по-разному определяли границы текста так называемой «Повести о Плавѣ».

В. С. Борзаковский обозначал ее границы указанием на столбцы в издании: 474—477, отмечая при этом непоследовательность в хронологии рассказа¹². А. А. Шахматов определял начало «Повести» словами «Въ дни же тыи...», а конец — «и симъ озлобиша братию свою, Тверския князя, и тую вещь не въсхотѣша помагати москвичемъ, яко же и бысть»¹³. Примерно так же расценивалось завершение «Повести» и в большинстве последующих работ.

В статье М. А. Ильина высказано суждение о том, что «Повесть» начинается с «отказа Ивана Михайловича помогать Василию Московскому против Витовта»¹⁴, т. е., видимо, со слов: «Тои жь осени поиде князь великий Василей въ землю Литовскую, и присла къ своему брату, князю великому Ивану, о помочи; и не да ему» (Стб. 474), и заканчивается словами: «Сия же от сих сказашася, паки же предняго да имемся» (Стб. 477). Таким образом историк присоединял предшествующий фрагмент, считая, что эти тексты взаимосвязаны.

Я. С. Лурье в статье «Словаря книжников» обозначил начало «Повести» сообщением о приходе в Москву на службу к великому князю Свидригайло, никак не поясняя такого деления текста.

Рассмотрение так называемой «Повести о Плавѣ» в ТвС необходимо предварить рядом замечаний о том, как различаются в этой части летописного памятника его списки.

В историографии отмечалось, что заглавие «О Плавѣ повѣсть» находится в летописи не на месте, так как, судя по изданному Погодинскому списку ТвС, оно предваряет лишь краткое сообщение о Плавском перемирии, а пространный рассказ об этих событиях читается под 6916 г. Однако, рассматривая Забелинский список, можно обнаружить, что в нем оно еще в большей степени располагается «не на месте», поскольку оказывается оторванным не только от пространной «Повести», но и от краткого сообщения.

⁹ Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием 1-й половины XV в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 295—296. Однако об этом совпадении упоминали все исследователи, которые касались этих текстов.

¹⁰ См.: Лурье Я. С. «Повесть о Плавѣ» // Словарь книжности и книжников Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 260.

¹¹ Там же. С. 259.

¹² Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 269—270.

¹³ См.: Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». С. 228.

¹⁴ Ильин М. А. Тверская литература XV в. как исторический источник. С. 47.

Вслед за заглавием в Погодинском списке значится 6914 г., а в Забелинском — 6913 г. Далее следует общее для обоих списков начало фразы: «На Страстной недели, въ великий пятокъ», и после него в Погодинском списке пропущен большой фрагмент текста со слов «пожаловал князь великий Иоаннъ своего брата князя Василия удѣлом» до слов «а Витовтъ тако же»¹⁵, содержащий известия:

под 6913 г.

— о пожаловании Иваном Михайловичем Тверским Василия Кашинского уделом и отъезде Василия в Москву «в пост святых апостол»;

— о походе Витовта на Псков, обращении псковичей к Василию Дмитриевичу и посылке им брата Петра в помощь псковичам;

под 6914 г.

— о сложении крестного целования к Витовту Василием Дмитриевичем и Иваном Михайловичем и посылке Василием рати к Вязьме, Серпейску и Козельску;

— о примирении Василия Кашинского и Ивана Михайловича;

— о буре в Нижнем Новгороде.

Следующее известие в Погодинском списке уже есть, но читается без начала. В нем отсутствует текст: «Того ж лѣта поиде князь великий Московский, а с ним рать татарская от царя Шанебѣка. А князь великий Иоаннъ послал помочь на Витовта, князя Василия, и Феодора, и Иоанна Иеремѣева, а с ним полкъ великъ. А Витовтъ тако же». Таким образом, и здесь заявленного в читающемся ранее заголовке рассказа о Плаве нет, есть лишь краткое сообщение о приходе московско-тверских и литовских войск к Плаве и заключении на Пашковой гати перемирия.

Причина отсутствия в Забелинском списке фрагмента может быть более сложной, чем механическая утрата в оригинале, с которого списывалась Погодинская рукопись, или случайно допущенный писцом пропуск. Дело в том, что о событиях, описанных в летописи под 6913/6914 и 6915 г., уже частично говорилось под 6912 г. Тексты этих дублирующих друг друга сообщений не совпадают. В частности, рассказ о вторжении Витовта в псковские земли и ответных действиях великого князя Василия Дмитриевича в первой статье (6912 г.) гораздо обстоятельнее.

Сбой в разнесении статей по годам произошел, видимо, в записи ТвС под 6912 г. О смоленских событиях и их последствиях, которым посвящено начало статьи 6912 г. в ТвС, говорится в Троицкой летописи (далее — Тр), МС, Сим и ряде других¹⁶. Но рассказ в ТвС весьма от них отличается. Он опускает подробности прихода Витовта к Смоленску, зато содержит гораздо более детальную информацию о последующих действиях сторон. Передаются речи Витовта, Василия Дмитриевича, новгородцев, и в целом летописец ТвС (в отличие от авторов соответствующих текстов в других летописях) настроен сочувственно по отношению к Витовту. Последний в рассказе ТвС ссылается на прежние договоренности с Василием Дмитриевичем, напоминает московскому князю о «зле», которое «сътворилъ» Юрий Смоленский, требуя его выдачи: «Помни, еже въ тверди обѣщаль ми ся, еже не

¹⁵ Пропуски в Погодинском списке встречаются и далее, но не такого объема. Так, в статье 6915 г. во фразе «Того ж лѣта поиде князь великий Иоаннъ Михайлович въ Орду Вѣлгою, в четвертокъ по с(вя)том Илии» отсутствуют слова «по с(вя)том Илии»; в статье 6916 г. во фразе «той жь осени, мѣсяца октября въ 23 день на память святого апостола Иакова» — указания на день памяти Иакова; в списке бояр, оставшихся в Москве во время Едигеевой осады, нет имени Ивана Дмитриевича. В свою очередь, в Забелинском списке в статье 6912 г. отсутствует имя убитого московского воеводы Липятича, в Погодинском же указано: «князь Липятычъ Иванъ» (Стб. 472). Указание на день памяти апостола Иакова теоретически могло быть добавлением позднего переписчика, но «по с(вя)том Илии» — уточнение совершенно необходимое, и оно, скорее всего, читалось в оригинале летописи, поскольку едва ли такая датировка (только «в четверток») была изначальной, а не появилась в результате какого-то сокращения. В том же ТвС под 6916 г. идет повторный рассказ об этой поездке, там названо число 21 июля. Правда, в Московском своде конца XV в. (далее — МС) и ряде поздних летописей называется 20 июля, на которое как раз приходится день памяти пророка Илии. Но в тексте сказано «по с(вя)том Илии», что должно означать время после дня памяти Илии. Этому требованию удовлетворяет 21 июля, и оно действительно приходилось на четверг в 1407 г., таким образом, верной является дата ТвС.

¹⁶ Благодаря полной дате в Новгородской IV и ряде других летописей (26 июня в четверг) можно узнать, что взятие Смоленска Витовтом имело место в 1404 г. (см.: ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. С. 396).

въступатися въ Смоленскъ за Юрія никакымъ дѣломъ, и се ми Юрію много зла сѣтворилъ, брата мнѣ и тобѣ князя великого Романа Черниговского убилъ и казну его взялъ, и иныхъ князей поби, и много ми зла сѣтвори; нынѣ у тебе есть въ твоёмъ княженіи, да ими его своими людьми, понеже новгородци твои суть; аще ли то (в *Забелинском* ни то), дръжи его въ своей земли; яко же реклъ ми еси по любви». Ранее говорится, что у Витовта с Василием был «ряд», по которому великий князь обязывался «не въступатися в Смоленскъ и съ Юріемъ не имѣти любви», а далее приводится ответ Василия Дмитриевича: «Азъ Юрія не имѣю у себе, пріаша его новгородци безъ моего повелѣнія»¹⁷. Затем передается содержание переговоров Витовта с новгородцами. Однако далее летописец переходит к событиям 1406 г., причем логика рассказа не нарушается. Это может означать, что статья писалась по прошествии нескольких лет и ее составитель соединил факты «литовского сюжета» в последовательное повествование. Так, он рассказывает о размирии Витовта с Псковом, взятии им Коложе и иных городов, не указав на пропуск 6913 и начало 6914 г. После слов о действиях Витовта против псковичей летописец говорит: «Се же зло сдѣяся мѣсяца февраля, предъ мясопустомъ» (Стб. 476). В других летописях это известие относится к 1406 г., и время захвата Коложе определяется как «о великом заговении», в Псковских летописях называются даты 5 февраля и пятница Фарисеевой недели. Эти указания согласуются с данными статьи ТвС, поскольку мясопуст в 1406 г. начинался 14 февраля. Итак, речь идет о конце мартовского года¹⁸. Хотя в статье ТвС смены года не происходит, летописец предвывает следующее известие — рассказ о походе воевод Василия Дмитриевича на литовские города — словами «Настоящу же лѣту» (явное указание на наступление нового года¹⁹).

Как и в предыдущем рассказе (касающемся 1404 г.), повествование о дальнейших событиях (1406 г.) в этой статье ТвС представляет собой оригинальный текст. Разделенная в других летописях иными сообщениями информация о русско-литовских столкновениях выстроена здесь в единую линию: агрессия Витовта против Пскова, посылка Василием Дмитриевичем войск «на гради Литовскыя», уникальное известие о гибели не упоминавшегося более нигде московского воеводы («Тогда же князь Липятычъ Иванъ, воевода Московскыи, отъ Литвы убиень бысть» (Стб. 472)), рассказ о походе литовских войск в русские земли — взятие ими Воротынска и установление контроля над Козельском, где сажается литовский посадник, приближение Витовта к Можайску²⁰.

Далее идет рассказ о знамении, о котором хотя и говорится в других летописях, но по-иному, без текстуальных совпадений с тверским текстом, содержащим особые подробности. После известия о преставлении 16 сентября митрополита Киприана летописец заявляет: «Сего же лѣта мнози усобици въ земли Русѣи». Эта фраза предвывает сообщение, которое летописец поместит с нарушением хронологии (возможно, мыслимое им как дополнительное), — о событиях летних. Речь пойдет о столкновении псковичей с немцами, причем представлен этот факт в своеобразной интерпретации: говорится, что псковичи воевали Полоцк²¹, «землю Витовтову, бѣ же тогда Витовтъ въ любви, за единъ живий съ сыньми Нѣмечскыи, и придоша Нѣмци, и много воеваша псковичи» (Стб. 472), т. е. опять на первое место выходит «литовская тема».

Не исключено, что отмеченные выше особенности хронологии в статье 6912 г. послужили причиной сначала дублировки известий — сообщения об уже описанных событиях повторяются далее в статьях *Забелинского* списка под правильным годом (причем взяты дублирующие известия явно из другого источника), а затем попытки от нее уйти. Результат этой попытки (пропуск большого фрагмента текста) мы наблюдаем в *Погодинском* списке.

¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. XV. Стб. 471 (далее ссылки на изд. в тексте).

¹⁸ Судя по датам внутри летописных статей, в ТвС в эти годы использовался мартовский стиль: статьи начинаются весенними известиями и заканчиваются зимними.

¹⁹ Эти слова не могут быть указанием на сезон, ибо речь пойдет о майских событиях.

²⁰ Часть информации этих известий ТвС является уникальной.

²¹ В Псковских летописях сообщается, что псковичи подошли к Полоцку 30 июня и стояли под ним 3 дня и 3 ночи.

В пользу сознательного устранения дублировки создателем Погодинского списка говорит и различие дат в статье, содержащей заголовок «О Плавѣ повѣсть». В Забелинском, как уже было сказано, читается 6913 г., и первое известие в нем — о примирении Ивана Михайловича и Василия Кашинского. Согласно ТвС, оно происходит в пятницу Страстной недели. В других летописях, сообщающих об этом событии, называется 17 апреля. Это указывает на 1405 г. когда Пасха была 19 апреля и, соответственно, Страстная пятница — 17 апреля. В Погодинском же списке после упомянутого заголовка практически нет известий 1405 г., поэтому летописец изменил 6913 на 6914 г.

Повторно по сравнению с вышерассмотренной статьей ТвС 6912 г. в Забелинском списке под 6913 г. говорится о походе воевод Василия Дмитриевича к Вязьме, Серпейску и Козельску. Тексты не зависят друг от друга, ибо не имеют явных текстуальных совпадений и сообщают различные детали:

Статья 6912 г.

князь великий Василии събра множество воа,
и посла князь своа воеводы на гради Литовския,
ови ихъ идоша подъ Вязму, а друзии къ Серпѣиску,
и не дошедше Серпѣиска възвратишася въспять; а
иже подъ Вязмою быша москвичи, тако же граду
ничтоже успѣша, и отъидоша.

Статья 6913 г. (Забелинский список)

И посла князь великий Василии рать къ
Вязмѣ, къ Серпѣиску, и къ Козелску, и ничтоже
не успѣша²².

Однако отличия дублирующих сообщений не исчерпываются лишь степенью их подробности. По-разному расставляются политические акценты. Как уже отмечалось, в статье под 6912 г. очевидно сочувствие стороне Витовта: его условия и требования, по сути, оправданы указанием на «ряд» с зятем — великим князем Василием Дмитриевичем. Для сравнения можно вспомнить, как это известие подано в Новгородской I: «Сего же лѣта выиха и Смоленска князь Юрьи Святъслалич на Москву князю великому Василью поклонитися, чтобы его поборонилъ от великаго князя Витовта»²³. Уже определенно враждебно к Витовту и сочувственно к Юрию настроены московские летописцы, которые подробно повествуют о неудачных попытках Витовта взять Смоленск (до бегства из него Юрия), а затем рассказывают о зле, причиненном литовскими войсками.

В статье же 6913 г. Забелинского списка, где повторно сообщается о действиях Витовта против Пскова, литовский правитель назван «многобожнѣм», говорится, что он «много зла сътвори», взяв псковские города. Под следующим 6914 г., прежде чем говорить о походе московских воевод к Вязьме, Серпейску и Козельску, летописец заявляет, что «князь великий Василии» и «князь великий Иоаннъ» сложили крестное целование к Витовту²⁴. Данное известие есть в Тр и Сим, причем с указанием даты (25 мая), когда Василий Дмитриевич «отпускает» в поход своих воевод. В свою очередь, в этих летописях не упоминается тверской князь Иван Михайлович, который, согласно ТвС, также сложил крестное целование к Витовту. Очевидно, что ТвС помещает то же известие, что и московские летописи, но в своей интерпретации (характерно, в частности, что оба князя — московский и тверской — одинаково титулуются великими).

Статья 6913 г. Забелинского списка включает материал, который можно разделить на оригинальный и почерпнутый из Свода 1408 г.²⁵ Сходная картина и в статье 6914 г. Наряду с тверскими сюжетами и рассказом о Плавском стоянии, также явно тверского происхождения, здесь читаются два кратких сообщения о преставлении Киприана и бое псковичей с немцами (об этих событиях говорилось

²² Данный краткий текст использован в Никоновской летописи. Это может означать, что он восходит к более раннему тверскому летописному источнику.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 398.

²⁴ Как известно из Тр и МС, за год до этих событий сестра Витовта Мария (в крещении), на которой был женат Иван Михайлович, умерла.

²⁵ При этом надо учесть, что статья Тр за предыдущий год содержит тверской материал, в том числе и с полными датами, отсутствующий в ТвС: роспись церкви св. Михаила на Городке; освящение каменного Успенского собора на Желтикове (с полной датой); преставление великой княгини Евдокии (с полной датой). Подобная ситуация наблюдается и в других статьях за близкие годы: целый ряд тверских известий есть в Тр и МС и отсутствует в ТвС.

в статье 6912 г.). И о том, и о другом в московских летописях, в том числе и в Тр, есть подробные рассказы. Из Свода Киприана, видимо, взят рассказ о буре в Нижнем Новгороде.

Проблему, однако, представляет происхождение повествования о преступлении Юрия Святославича. Этого текста нет в Тр. Более того, в Тр содержится весьма сочувственный по отношению к судьбе смоленского князя пассаж под 6915 г. о его смерти в Рязанской земле, вдали от родных и отечества. Этот пассаж присутствует в подавляющем большинстве более поздних летописей²⁶. ТвС же содержит более пространную повесть о преступлении Юрия и дает свое оригинальное сообщение о его смерти. Так, в этой повести уточняется, что порубленное тело жены Семена Вяземского было брошено не просто в реку, как в других летописях, а в Тверцу (зато вовсе не упоминается Торжок), рассказывается, что тело Ульяны «богобоязливый же изнесоша и положиша честно», что убитую «причетохомъ въ мученицу» и т. д. Из этой повести явствует, что Юрий Смоленский, свершив злодеяние, сначала едет в Москву и лишь оттуда, видимо, в Орду, ибо в ТвС говорится: «тои же осени Юри Смоленский за безаконіе гонимъ гнѣвомъ Божиимъ съ Москвы» (Стб. 473). Был ли этот рассказ результатом более позднего его включения в ТвС, скажем, из того же Ростовского свода? Так думать едва ли правильно, поскольку детали (Тверца, бегство из Москвы и др.) вряд ли могли быть добавлены спустя многие десятилетия.

Иной рассказ о смерти Юрия в ТвС может быть объяснен двояко. Возможно, составитель ТвС в отличие от других компиляторов посчитал недопустимым совместить повесть о преступлении смоленского князя (осуждение которого в ТвС усилено) и сочувственный рассказ о его смерти, поэтому не воспользовался известием, читающимся почти во всех других летописях, а написал другой, вновь осуждающий Юрия Смоленского текст — о его смерти в «Татарской земле». Здесь вспоминаются «грех» и «беззаконіе» Юрия, в то время как в Тр говорится, что умер он в изгнании на чужой стороне, «не въ своей очинѣ», вдали от родных, «и проводиша его честно»²⁷. Но более вероятным представляется иное объяснение. О смерти князя в Орде, а не в Рязанской земле говорится в Супрасльской летописи и Устюжском летописце²⁸ — в качестве продолжения рассказа о преступлении. Возможно, источник ТвС содержал вариант рассказа о преступлении Юрия, близкий читающемуся в Супрасльской летописи. Известие о его смерти в Орде было перенесено тверским сводчиком под нужный год. С другой стороны, обращает на себя внимание комментарий в ТвС к известию о кончине Юрия. Летописец пишет: «грѣху нести (в Забелинском не оставашу) его не токмо до своего отечества, но и до царя, еже бы принести къ нему жалобу, и того погрѣши за безаконіе» (Стб. 473). Здесь стоит учесть дополнительный текст, которым оканчивается рассказ о преступлении Юрия в Новгородской Карамзинской летописи (Второй выборке). После общих для рассказа всех летописей слов: «и оттого побѣже къ Ордѣ, не трѣпя горкаго своего безвременна и безчестна» в ней читается: «оже его град взят бысть, а княгини его поведена в полонъ»²⁹. В таком контексте «безчестие» Юрия и побег его в Орду оказываются связанными не с его бесповоротно омраченной репутацией преступника, а с неизбежной утратой наместничества в Торжке — притом, что и в Смоленск он вернуться не может. За словами ТвС о неких «жалобах» царю, таким образом, уже видится реальное содержание.

Близкая к предыдущим статьям картина предстает и в тексте ТвС под 6915 г. Чисто тверские известия соседствуют с сокращениями текстов Тр, Витовт вновь назван «многобожным», в Тр присутствует тверское известие, которого нет в ТвС (о женитьбе «того же зимы» Ивана Михайловича на дочери Дмитрия Еремеевича).

²⁶ Л. Л. Муравьева считает, что он читался и в Своде 1408 г. (см.: *Муравьева Л. Л.* Московское летописание второй половины XIV — начала XV века. С. 110), в то время как Я. С. Лурье относил его к «иному источнику», не определяя его (см.: *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 97).

²⁷ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002. С. 465—466.

²⁸ В Устюжском летописце повествование беллетризировано: Юрий убивает Семена Вяземского на пиру, с не встречающимися в других летописях деталями описано сопротивление Ульяны и т. д.

²⁹ ПСРА. СПб., 2002. Т. 42. С. 172.

Один из выводов из проведенного выше исследования летописных текстов касается известий ТвС, имеющих совпадения с другими летописями, в первую очередь, с Тр. Такие совпадения могут означать, что ТвС в рассматриваемой его части в качестве одного из источников использовал Свод Киприана, отразившийся в Тр, или его тверскую обработку — Свод 1411 г., статьи которого за эти годы по какой-то причине отсутствовали в общем протографе Рог и Сим. К мысли о существовании общего протографа Рог и ТвС приходил Б. М. Клосс³⁰, обосновывая ее двумя аргументами. Первый — это якобы ссылка в Повести об Едигее Рогожского летописца на текст ТвС о знаменнии от иконы. Однако известие об этом знаменнии есть в большинстве летописей, в том числе и в Сим (и, как счел М. Д. Приселков, в Тр). Кроме того, едва ли можно согласиться с трактовкой Б. М. Клосса слов Рог «Здѣ съврѣшися въ челоуѣцѣхъ, еже преже бывшее знаменние истекшаа крови на Коломнѣ от иконы» как «ссылки на прежнее упоминание»³¹. Очевидно, что они являются ссылкой на прежнее *событие*. Второй аргумент более резонен — это общий текст о старцах в Повести о Едигее и «Повести о Плаве». Но нужно учитывать, что совпадение фиксируется в рамках двух Повестей, которые *включались* в летописи. Влияние одного текста на другой могло произойти и до вхождения той или иной Повести в летописный памятник. Вместе с тем, если принять в расчет статьи за 6908 и 6909 г. (до пропуска в Рог), обнаружится, что тверские известия в Рог и ТвС не имеют между собой ничего общего, и ТвС в основном повторяет здесь тексты Тр. Таким образом, наиболее вероятно, что ТвС использовал Свод Киприана (возможно, опосредованно), а не протограф Рог.

В статье 6916 г. по сравнению со статьями 6912–6915 г. картина меняется. Факты, о которых говорит летописец, если и отражены в других летописях, подаются с иными подробностями и в иной интерпретации. Тверской материал изобилует деталями и подробно комментируется.

Именно в пределах этой статьи предпринимались попытки вычленил текст так называемой «Повести о Плаве». Из приведенных выше точек зрения на границы текста «Повести» очевидно, что единого мнения здесь не достигнуто. С каких же слов нужно вычленил начало «Повести»? Для удобства дальнейшего анализа целесообразно привести текст ТвС из статьи 6916 г., который большинство исследователей и считает «Повестью о Плаве», с предшествующими сообщениями, касающимися той же литовской темы.

«Тои же осени поиде князь великий Василен въ землю Литовскую, и присла къ своему брату, князю великому Ивану, о помощь; и не да ему. И посла къ нему послы: “По роду есми тебѣ дядя мои пращуръ, великий князь Ярославъ, княжилъ Ярославичъ на великомъ княженнии на Володимерскомъ и на Новгородцкомъ; а князя Данила воскормилъ мои пращуръ Александровича, сѣдѣли на Москвѣ 7 лѣтъ тивона моего пращура Ярослава; и потомъ князь великий Михаило Ярославичъ, и по немъ Дмитрие и Александръ, вси сии дръжаша Новгородское и Володимерское великое княженіе; что ради братство дръжа и крестное цѣлованіе измѣни князь, ти же ны бѣ миръ взяша на Плавъ”. И стоаша Литва с москвичи на Угрѣ 12 дни, и умиришася сентебра въ 14, а Татарове взяша Брянскъ, иже который помагалы князю великому, видя плошество Рускихъ князеи. Того же лѣта³², мѣсяца октября въ 23 день³³ въ дни же тыи боголюбивому великому князю Ивану Михайловичу Тферскому столъ дръжащу, и бѣаше ходя путемъ отчимъ, сего ради миръ глубокъ имяше ко всѣмъ странамъ, князь же великий Василенъ съ³⁴ мноюю любовію присла къ нему, помощи прося у него на Литву, сице река: “Буди ти, брате, вѣдомо, яко Витовтъ грядетъ съ Нѣмци и Ляхи, ведыи съ собою на христіаны въ землю нашу; абы еси, брате, послалъ помощь христіаномъ”. Князь же великий Иоанъ, о христоименныхъ людехъ печалуюся, обѣща ему помощь послати христіаномъ; и наряди свою братию, благороднаго князя Василенъ,

³⁰ См.: Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. М., 1998. С. 105; Т. II. М., 2000. С. 177–178.

³¹ См.: Там же. Т. II. С. 177–178.

³² В Забелинском тои жъ есени.

³³ В Забелинском въ 23 день на память святого апостола Иакова.

³⁴ В Забелинском нет.

Феодора, и сына своего благороднаго князя Ивана, и князя Ивана Еремѣча, и отпусти вся князя и воеводы. Пръвезшеся Оку под Серпуховымъ, и съвѣкупишася вси полци Русіи, и пришедь сташа на Плавѣ. Тогда же татарове придоша къ Плавѣ въ помощь Руси на Литву. Старци же сіе видѣвше, не възлюбиша зѣло: “Добра ли се буде дума юныхъ нашихъ бояръ, иже приведоша Татаръ на помощь? Не сихъ ли ради Кіеву и Чернигову бѣды приключишася, иже когда имуще брань со собою, и подымаючи Половецъ навожаху на ся, да пръвое бо наимуючи ихъ серебро издаша изъ земля своеа, а иніи же смотриша наряди Рускыя и самѣмъ издолѣша. Да не будетъ пакости и нашеи земли на прочая дни, да не како Татарове съсмотрятъ наряда земля наша, и възхотятъ сами приити на ны”, яко же и бысть ся. Витовтъ же приде и ста на Пашковѣ гати, и уряди полки своя, и бѣ между ими рѣка Ока, и не бѣ лѣзѣ снятися на брань; и стоаше дніи 9, и взяша перемиріе от пръваго дне мѣсяца октября до Съшествіа Святаго Духа, и разыдошася ковождо въ своаси. Тогда же и Татарове отъидоша, въ помощи мѣсто многу пакость сътвориша христіаномъ, гнѣвающеся на великаго князя Василя. И оттолѣ начаша зліи мыслити на землю Рускую, яко же и старци прорекоша и глаголаша. Довлѣетъ же здѣ о семъ написати, отче боголюбивыи Варламе, таковыя ради вещи; отселе убо не възхотѣша сынове тверстіи помагати москвичемъ на Литву. Подобно есть здѣ написати, назнаменати, властодръжецъ ради, рекше князеи ради: не сами точию едини, безъ искуснѣишихъ, вся простѣишии, отъ своеа мудрости и самочиную, или паки силѣ и величеству надѣющеся на братію, да не възносятся; но зѣлымъ смотрѣніемъ да зрятъ сеа случившася вещи, и тоа ради единой³⁵ и не възхотѣша тверичи помагати москвичемъ, иже то глаголати начинаемъ. Бысть же тако, яко придоша Тверстіи князи на помощь москвичемъ, и вси вкупѣ сташа на Плавѣ, князь великыи Василя взя примиріе съ Витовтомъ, а княземъ же Тверскимъ и воеводамъ туто же бывшимъ, а того не вѣдущим; и не токмо же едино, но и въ грамотѣ перемирной не написа честно имени брата своего великаго князя Ивана Тферскаго, но написа и послѣ братии своеи, а тверичемъ никакоже не вѣдущимъ того. Се же слышавше Тверстіи князи и възнегодоша, сице рекоша: “Ци на службу пришли есмы Василя? Безъ насъ думаетъ и смирится, и стаашеся отъ насъ нечестно поставляеть имена великаго князя Ивана”. И тако гнѣваючися на нь, отъидоша восвоаси; и придоша, и повѣдаша вся сія великому князю Ивану. Онъ же слышавъ, зело съжалився и прослезися, сице рече: “Егда азъ на лукахъ ли ко братіи любовь имѣхъ, и не смиренъ ли бѣхъ съ Витовтомъ, яко же отци и дѣди наши всегда мирни бываху с Витовтомъ, такоже и азъ; но се братіи ради смирихся быхъ³⁶, и послахъ къ нему на помощь братію свою, и сына, и дружину добрую, ту³⁷ же утаився братіи моеа, безо чти поставиль имя мое во вся страны; то разсудить Богъ”. И оттолѣ не възхотѣ помагати москвичемъ. Паки же Василь ко Ивану присылаеть, помощи у него прося. Онъ же отрече ему, сице глаголя: “Сами не възхотѣсте, брате, помощи наша, приобидующе чести нашу, и безъ чести поставльше имя мое въ многыя земля, и се отселѣ не помагаю вы”. Да зри отъ сихъ, освященнаа главо, како ти всегубителнаго волка сотоны пронирство, иже не почиваа, разгоняетъ Христова стадо словесныхъ овецъ, и многими казньми плѣняа, ово нашествіемъ иноплеменникъ, наводя на ны, да проліетъ кровь, радуется; аще ли зреть незбывшуюся волю его, то вижъ лукави, тряеть вселукавыи боритель, ибо межи самими Христовыми человекы неприазненыа гордостныа мрежа сокровенне пропинаеть и потонку высокомыслиемъ обурдываа поводитъ³⁸, а ина своа любовныа сѣти заступаеть же мысленнѣ очи, еже не зрѣти разумнѣ, да въ таинныхъ сѣти его углубшихъ отъ него порадоватися зѣло хошетъ, яко же и здѣ назнаменаныя вещи показася слово. Ты же зри сихъ, о боголюбиваа главо, како ти отъ единого малосамочинія толика бѣда и пакость христіанству въведеся: ибо Московскіе князи неравны къ себѣ почетше братію свою, Тверскыя князя, того же ради, но не по съвѣту съ ними сами едини думу и миръ поставляху, и не стрегуще имени тферскаго въ

³⁵ В Забелинском единой вины.

³⁶ В Забелинском размирихся былъ.

³⁷ В Забелинском то.

³⁸ В Забелинском обуздывая поводитъ я.

грамотѣ поставляху, и симъ озлобиша братію свою, Тверскыя князи, и тую вещь не въсхотѣша помагати москвичемъ, якоже и бысть. Сіа же о сихъ сказахся, пакы же предняго да имемся» (Стб. 474—477).

Обращение к событиям 1406 г. в статье 6916 г. начинается с торжественного зачина о княжении Ивана Михайловича и почтительного обращения к нему Василия Дмитриевича с просьбой прислать на помощь против Витовта свою рать. Здесь же меняется и манера повествования³⁹, которая приобретает черты как эпического рассказа, так и острой публицистичности. Таким образом, и начало ретроспекции, и изменение в стиле совпадают в одном сюжете — когда Василий Дмитриевич обращается к Ивану Михайловичу за помощью против Литвы, на что последний откликнулся: на помощь Василию выступили братья тверского великого князя, сын Иван и князь Иван Еремеевич⁴⁰.

Вычлѣняя начало связанного повествования, приходится поставить под сомнение правильность фразоделения в издании. После сообщения о заключении мира на Угре говорится, что союзные Василию Дмитриевичу татары взяли Брянск. А далее должно начинаться ретроспективное повествование о событиях двухлетней давности — о Плавѣ. Синтагматическое деление, предложенное издателем, ставит проблему хронологического несоответствия этого известия и тех дат, которые читаются в последующем рассказе о Плавѣ. Если 23 октября имеет отношение к 1406 г., то оказывается, что 23 октября Василий Дмитриевич обратился к Ивану Михайловичу за помощью, тот отправил рать, обе рати соединились и стали на Плавѣ, заключив через 9 дней перемирие с Витовтом «от прьваго дне мѣсяца октобра до Съшествіа Святаго Духа». Понятно, что одновременно верными дата 23 октября и временные рамки перемирия быть не могут. Нельзя также допустить, что обращение Василия Дмитриевича к Ивану Михайловичу имело место на год раньше, чем тверской князь предпринял реальные шаги посылке рати, так как в более ранней статье — 6914 г. — говорится, что Иван Михайлович сложил крестное целование к Витовту одновременно с Василием I, хотя военные действия в ближайшее время последовали только со стороны Москвы. Это был малоудачный поход воевод Василия Дмитриевича к Вязьме, Серпейску и Козельску, и в Тр он датируется 23 мая.

При этом хронологические вехи в рассматриваемом тексте о Плавском перемирии согласуются с датами, приводимыми в других летописях, в том числе и в самом ТвС, под 6914 г. Так, в МС, Сим и др. указывается дата 7 сентября как время, когда Василий Дмитриевич подходит к Плавѣ. В статье 6916 г. ТвС говорится, что неприятели «стояше дніи 9» (т. е. до 16 сентября), а в известии о тех же событиях ТвС под 6914 г. после сообщения о заключении перемирия идет сообщение о смерти митрополита Киприана, при этом подчеркивается, что это случилось «въ то же время» (митрополит умер в ночь с 15 на 16 сентября)⁴¹.

Единственным реальным выходом из противоречия представляется отнесение слов «того же лѣта, мѣсяца октобра въ 23 день» к предыдущей фразе ТвС, тогда она будет звучать следующим образом: «а Татарове взяша Брянскъ, иже которыи помагали князю великому, видя плошество Рускыхъ

³⁹ Конечно, выбивается из обычного летописного сообщения и текст отповеди Ивана Михайловича Василию Дмитриевичу в предыдущем фрагменте, касающемся событий 1408 г. Этот ответ был послан к великому князю с послами: «По роду еси тебѣ дядя мои пращуръ, великіи князь Ярославъ княжил Ярославичъ на великом княженіи Володимерскомъ и на Новгородскомъ; а князя Данила воскормилъ мои пращуръ Александровича, сѣдѣли на Москвѣ 7 лѣтъ тивуна моего пращура Ярослава; и потом князь великіи Михаило Ярославичъ, и по немъ Дмитрей и Александръ, вси сіи дрѣжаша Новгородское и Володимерское великое княженіе; что ради братство дрѣжа и крестное цѣлованіе измѣни князь, ти же ны бѣ миръ взяша на Плавѣ». Однако здесь стилистические особенности определяются текстом грамоты, который с той или иной полнотой и точностью передан летописцем.

⁴⁰ В первом кратком сообщении о событиях на Плавѣ (в Забелинском списке под 6914 г.) также перечисляются братья Ивана Михайловича Василий и Федор, Иван Еремеевич, но про сына Ивана не говорится. В Повести же посылка сына упоминается и далее — в речи Ивана Михайловича, который упрекает Василия в неуважении в ответ на оказанную ему честь со стороны тверского великого князя, который послал к нему на помощь «братію свою и сына, и дружину добрую». Назван сын Иван в этом походе и в Никоновской летописи.

⁴¹ В летописях, в которых нет точной даты этого события и известие дано в другой редакции, оно, тем не менее, располагается также перед сообщением о преставлении Киприана.

князеи, того же лѣта (или: той же осени — как в *Забелинском*) мѣсяца октября въ 23 день». Конечно, в предыдущей фразе говорится, что русско-литовский мир (на Угре) был заключен 12 сентября, и почти полтора месяца может показаться слишком большим временным разрывом между двумя событиями (миром и взятием Брянска). Но проверить эти даты нет возможности, ибо известие о взятии Брянска есть только в ТвС. Единственное свидетельство о поведении татар после Угры есть в Повести о Едигее Рог—Сим, где говорится, что «татарове же не далече отъкочеваша»⁴² и при этом отследили, как разойдутся литовские и русские войска.

С таким допущением естественно выглядит начало ретроспективного повествования: «Въ дни же тьи боголюбивому великому князю Иоанну Михайловичу Тферскому столъ дръжащу, и бѣаше ходя путемъ отчимъ, сего ради миръ глубокъ имяше ко всѣмъ странамъ, князь же великий Василей съ многою любовію присла къ нему, помощи прося у него на Литву...».

Далее рассказывается о событиях более поздних, выбор их летописцем и объединение в единую цепь заслуживают отдельного рассмотрения. Судя по началу летописной статьи, где речь об отказе в помощи тверского князя московскому уже велась, Иван Михайлович должен отказать в помощи Василию Дмитриевичу в самом конце противостояния — перед заключением мира Василия с Витовтом на Угре. Однако в рассматриваемой части статьи после сообщения об отказе Ивана идти на Витовта и витиеватых рассуждений о лукавстве дьявола повествователь резюмирует: «Сіа же о сихъ сказашася, паки же предняго да имемся». Дальнейшее повествование идет в той же манере, перемежаясь с обширными дидактическими пассажами, что заставляет видеть в нем единое целое с текстом, непосредственно касавшимся Плавских событий.

К какому же «преднему» возвращается повествователь? Он переходит к рассказу о событиях следующего после Плавского стояния (мартовского) года: «Бысть же, яко в перемирие миру не сътворившася, лѣту же наставшу, пришедше Литва повоеваша землю Новосилскую и градъ Одоевъ огнемъ попалиша» (Стб. 477). Затем в обоих списках ТвС следует неоконченная фраза: «Се же зло съдѣяся...». Видимо, автор хотел указать, когда это произошло, предполагал найти дату в других источниках, но так и не сумел осуществить задуманное⁴³. Таким образом, «предними» эти события могут представляться только в отношении логики повествования, а никак не с хронологической точки зрения. С учетом ранее отмеченных особенностей можно с еще большей уверенностью говорить о вставном характере рассматриваемого текста.

Уже за пределами текста, который большинством исследователей относится к «Повести о Плаве», идет рассказ о походе Витовта в глубь русских земель, в ответ на что «москвичи» не только «прогнаша литовцев», но и вошли в их земли под Вязьму. Здесь заключается перемирие «отъ августа» 1407 г. «до Петрова дни» следующего 1408 г.

Высоким стилем описана брань псковичей с немцами и особенно коллизии внутри тверского княжеского дома: поездка в Орду Ивана Михайловича с 21 июля 1407 г. по 24 января⁴⁴ 1408 г. Под влиянием «злых людей» (а в статье 6915 г. ТвС говорилось, что «подмолви его» некий Роман Скудин) Юрий Всеволодович уже три года пребывал в Москве, хотя Иван Михайлович «многожды посылаша, сице рече: “не отлучайся, брате, дому святого Спаса и своего отчества, но поиди, живи на предѣли отца своего, а злых человекъ не слушай; аще ли ты каа обида есть, да се о нас епископъ Арсени и мужи честнии отецъ нашихъ”» (Стб. 478). Тем не менее Юрий идет в Орду, после чего туда же собирается и князь Иван. Причем поездка в Орду представляется в этом сочинении как христианский подвиг тверского князя⁴⁵. Конфессиональный мотив всячески подчеркивается: «Того же лѣта православный и великий князь Иванъ Михайловичъ видѣвъ мира христіаньского злыми человекъи възмуцаема, сице

⁴² ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 181–182.

⁴³ Из Тр, которая содержит полную дату, известно, что Одоев Витовт воевал 20 мая 1407 г.

⁴⁴ В поздних летописях читается дата 25 января.

⁴⁵ Под 6915 г. эта же информация подана как простое известие, не обставленное подобным словесным антуражем.

глагола: “Довлѣть ми аще и нужна въсприати, того радуясь зѣло, хошу потрудитися за христіаны, якоже и господинъ мой, отецъ мой”. И въскорѣ нарядися в Орду, и тако, благодаря Господа Бога, поиде въ Орду» (Стб. 478—479). «Православным» князь будет называться и далее, тот же эпитет будет применен к Твери («православный градъ Тверскый»). Связано это, по-видимому, с тем, что в Орде не просто было разрешение спора тверских князей, а происходил суд, о чем говорится в статье 6915 г.: Булат «судивъ Ивана съ Юриемъ, обиниша (в Забелинском обвиниша) Юриа» (Стб. 473). Для автора, знакомого с историей гибели Михаила Ярославича и Александра Михайловича, ханский суд ассоциируется с серьезной опасностью⁴⁶. В том же настроении описана встреча князя из Орды: «Епископъ же, весь съборъ и людіе всего града радующеся въстрѣтаху его; и тако, благодатию Божию, честнѣ въсприать столъ отца своего, благодаря Господа Бога» (Стб. 479).

Далее следует замечание о холодной и снежной зиме в тот год (1407/1408), которое А. А. Шахматов считал заимствованием из общерусского свода. Однако известие в Тр (судя по выписке Н. М. Карамзина) выглядит совсем иначе и следует там с нарушением хронологии — среди сообщений о событиях марта и апреля, в то время как в ТвС — после январского.

Заимствованным из общерусского свода считал А. А. Шахматов и следующий рассказ — о знамении от иконы⁴⁷. Если отношение к знаку великого князя Василия Дмитриевича и было поздним домысливанием, то нельзя не обратить внимания на уточнение места, где наблюдалось знамение, и в том числе указание имени церкви, которых нет в других летописях. Едва ли была придумана и фактическая деталь: в ТвС говорится, что кровью наполнился от иконы «съсудецъ воцанъ».

Далее идет подробный рассказ о нашествии летающего червя, портящего деревья, о чем в ТвС есть известие под 6915 г. На воспоминание о черве («прежде бо сея зимы, по 3 лѣта») навело летописца повествование о чуде от иконы, так как нашествие летающего червя он тоже воспринимает как знамение: он объявляет, что, закончив рассказывать о знамениях, вернется к прежним сюжетам: «пререченнымъ послѣдуемъ». Однако, вернувшись к «прежнему», летописец допускает повтор известия о возвращении из Орды Ивана Михайловича (видимо, считая необходимым перечислить все «зимние» события), хотя и говорит на этот раз о возвращении князя одной строкой, без красочных описаний, по-видимому, только чтобы вернуться к теме конфликта с Юрием Всеволодовичем, о возвращении которого пойдет речь дальше. Этот рассказ также представляет собой повтор — в данном случае начала статьи 6916 г. В обоих текстах говорится о двух послах, одного из которых тверской великий князь не послушал, но характерно, что новый летописец приводит совсем иные подробности. В частности, упоминается о десяти волостях тверских, переданных, по словам посла, вместе с Кашином Булатом Юрию. Иван Михайлович напоминает о данном ему в Орде ярлыке, в который вписана вся Тверская земля и «самъ Юрии». Посол, который может это подтвердить, по-прежнему находится в Твери. Наконец, князь Иван говорит, что не послушает слов этого нового посла (по-видимому, не представившего кроме слов никаких доказательств ханской воли), а намерен послать «къ цареви». Юрий спустя несколько месяцев вновь отправляется в Орду⁴⁸.

Быть может, этот повтор означает, что круг замкнулся и здесь нужно искать окончание вставки? Но возвращение к чисто летописной манере наблюдается лишь после текста, озаглавленного «О побоище Рязанскомъ». К тому же подробности рассказа о рязанских событиях значительно превышают таковые в других летописях, осуждается позиция Василия Дмитриевича, который «не сложивъ къ Пронскому»,

⁴⁶ Это, в свою очередь, может служить подтверждением, что Житие Михаила Ярославича и Повесть об убиении Александра Михайловича (а возможно, и несохранившееся его Житие) в начале XV в. были достаточно известны, хотя своего рода культ Михаила Александровича, присутствующий в летописании времени его сына, заставляет упоминать в этом рассказе именно его: Иван едет в Орду, вспоминая отца, и «за молитвы отца» все разрешается в его пользу.

⁴⁷ Об отражении этого знамения в летописях см.: *Конявская Е. Л.* Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2006. № 4 (26). С. 98.

⁴⁸ Текст Тр абсолютно иной, но и здесь подтверждается, что Юрий Всеволодович вместе с послом возвращается «къ царю Булатъ-Салтану» (*Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 466).

послал на него рать. Рассказчик стоит на позициях пронян, которые побеждают москвичей и рязанцев, «укрѣплъшеся помощію Божию» (Стб. 480). А главное — вновь звучит мотив «старцев» и «юных бояр». Старцы «не похвалиша» поступок великого князя, «се бо здумаша бояре юнии» (Стб. 480). Пронский князь надеется на Божию помощь, поскольку «мало же бѣ пронянъ», обращается к дружине с призывом в традициях предков: «потягнем, о дружино...». С большой симпатией образно говорится о пронских воинах: «бѣша вси яко едино сердца имуща» (Стб. 481).

На этом заканчивается летописный фрагмент, не имеющий текстуальных совпадений с другими летописями и отличающийся от них рядом подробностей⁴⁹. Далее начинается текст, явно заимствованный из ростовского источника (хотя тоже с уникальными подробностями и росписью ростовских епископов). Затем повторяется сообщение о стоянии на Угре, хотя уже с других позиций — Витовт назван «зловѣрным», и идет рассказ о Едигеевом нашествии, где Тверь и тверской князь не упоминаются вообще⁵⁰.

Какие же выводы напрашиваются по рассмотрении всей совокупности текстов статьи 6916 г. в ТвС, которые отличаются от соответствующих в других летописях, вставлены в нее с нарушением хронологии и имеют признаки тверской позиции летописца?

А. А. Шахматов предлагал объяснять дублировки в этой статье по отношению к более ранним текстам ТвС использованием «Летописца княжения Тверского»⁵¹. Всего А. А. Шахматов вычленил три источника ТвС: тверской «Летописец», Свод 1499 г. и Ростовский свод 1534 г. Действительно, можно было видеть, что в ряде случаев в ТвС под разными годами трижды повторяются не совпадающие текстуально рассказы об одних и тех же событиях. Вместе с тем исследователь отметил текстуальное сходство в статьях 6912⁵² и 6916 г.⁵³ Это совпадение в описании похода Витовта на русские земли, причем надо сказать, что сходство ярче видно в Забелинском списке:

«Литва же, вступльше глубей въ страну Московскую» (статья 6912 г.);

«Литва глубѣи вступиша воюючи в земли Московстѣи» (статья 6916 г.)⁵⁴.

Собственно говоря, сами по себе такие совпадения, не подкрепляющиеся дальнейшим сходством, не дают возможности делать какие-либо однозначные выводы. Тем не менее это может навести на мысль об «одной руке», создавшей данные тексты. Сближают также тексты статьи 6916 г. (в той части, которая была рассмотрена как представляющая некую целостность) и статьи 6912 г. наличие уникального материала, оригинальность трактовок событий и пропуски обозначения годов. Последняя особенность, равно как и соединение в единую цепь известий одной и той же тематики, может свидетельствовать о том, что писался такой текст спустя несколько лет по припоминаниям, но при этом в распоряжении пишущего были материалы, из которых он мог получать нужные ему точные даты и сведения. Так, в одном случае летописец, по-видимому, оставил место для даты, которую хотел уточнить (о войне под Одоевым), но по какой-то причине этого не сделал. При переписке и дальнейшей компиляционной работе этот пробел так и не был устранен. Если обрыв фразы и пропуск даты имели именно такое происхождение, то можно сделать вывод о самостоятельности мышления книжника и интенции его труда: не только и, может быть,

⁴⁹ Не совсем ясен статус известия, следующего непосредственно за рязанским сюжетом, — о смерти в мнишеском чину Федора Моложского. Б. М. Клосс считает именно это известие завершающим текст («статьи 1402–1408 г.»), представляющий собой некую общность (см.: *Клосс Б. М. Избранные труды. Т. II. С. 177*). Проявить интерес к этой информации было бы естественно тверскому летописцу, поскольку князь Федор Моложский состоял в родстве с Иваном Михайловичем (его дочь была замужем за сыном князя Ивана Александром Ивановичем). Однако в Тр это сообщение читалось в более пространным варианте, и расположено оно там без нарушения хронологии, в то время как в ТвС это апрельское известие читается между двумя летними.

⁵⁰ Рассказ этот существенно отличается от других повествований о Едигеевом нашествии и заслуживает отдельного изучения.
⁵¹ См.: *Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной»*. С. 228–231.

⁵² Как было показано выше, в ней не выделены границы 6913 и 6914 г., хотя сообщения о событиях этих лет в статье содержатся.
⁵³ См.: *Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной»*. С. 231.

⁵⁴ Правда, исследователь неверно интерпретировал известия, включающие эту фразу, как повествующие об одном и том же событии. В первом случае речь идет о самом первом за трехлетний конфликт вторжении Витовта (1406 г.), который закончился его успехом: «град Вьротынескъ взяша, и в Козелстѣ посадиша посадники своя, и близь Можайску вьвеша», москвичи же, не дойдя до Серпейска, «возвратишася въспять», а под Вязьмой «ничтоже успѣвши». Во втором случае — это столкновение, закончившееся перемирием под Вязьмой (1407 г.).

не столько фиксация событий (коль скоро он имел возможность уточнять даты, события о которых он пишет, были уже запечатлены), сколько стремление дать им свою трактовку и объяснение.

Такое предположение вполне согласуется как с характером вставного текста, так и с его месторасположением. Вставка следует за рассказом о заключении Москвой и Литвой мира на Угре в 1408 г., которому предшествовал отказ Ивана Михайловича Тверского выступить вместе с Василием Дмитриевичем против Витовта. Возможно, летописец счел, что слова, переданные послами Ивана Михайловича вместе с его отказом выступить против Витовта, оставят читателя в недоумении: почему тверской князь вспоминает держание владимирского княжения своими предками и заканчивает упреком в том, что на Плавѣ Василий Дмитриевич «крестное цѣлование измѣни»⁵⁵ (вспомним, что текст ТвС под 6914 г., где говорится о Плавском перемирии, объяснения этому не дает). Сам же летописец (или заказчик летописи) решил обратиться к другому книжнику, дабы тот написал о плавских событиях так, чтобы стали ясны причины дальнейшего поведения Ивана Михайловича. Как известно из истории летописания, такие заказы на пространные тексты о наиболее важных исторических сюжетах для последующего включения их в летописи были вполне традиционны.

Для последующего включения, скорее всего, основным составителем и была сделана пометка в нужном месте на поле («О Плавѣ Повѣсть»), куда при окончательном оформлении летописного памятника должно было быть вставлено повествование. Однако, по-видимому, составление ТвС, в отличие от большинства дошедших до нас летописных сводов, завершали не те книжники, которые его задумывали и готовили. Бездумный компилятор переписывал все, не стремясь провести отбора, упорядочить и выстроить по строгой хронологии собранные (в том числе и черновые) тексты⁵⁶. Заглавие столь же бездумно было помещено в начало статьи.

Хотя выполнявший заказ летописец очень целенаправленно старается объяснить поступок Ивана Михайловича, весь тот текст, который принято считать «Повестью о Плавѣ», выглядит неупорядоченным черновым наброском, состоящим из разнородных фрагментов (то повествовательных, то публицистических), с повторами и возвращениями к уже описанному. Так, сначала от слов «въ дни же тыа...» до сообщения о заключении перемирия идет последовательный рассказ о Плавских событиях.

Начинается это повествование в торжественных эпических тонах, панегирических по отношению к Ивану Михайловичу и всему тверскому княжескому дому. Иван Михайлович назван «боголюбивым», неоднократно подчеркивается, что он посылает «помощь христианомъ». Его братья Василий и Федор и сын Иван называются «благородными князьями». О самом же Иване Михайловиче сказано, что он «бѣаше ходя путемъ отчимъ, сего ради миръ глубокоъ имяше ко всѣмъ странамъ». Это должно подчеркнуть, что согласие выступить против Витовта тверской князь дает лишь в ответ на просьбу Василия Дмитриевича, следуя договору своего отца и «о христоименитыхъ людехъ печалуясь».

Далее рассказ осложняется вставкой о старцах из Повести о нашествии Едигея в редакции Свода 1411 г.⁵⁷ Хотя текст о старцах используется в том же контексте, что и в Повести о Едигее, — при упоминании помощи татар, от которых нельзя ждать хорошего, татары в данном сюжете — линия периферийная, и апелляция к старцам выглядит достаточно искусственно. Впоследствии, в отличие от Повести о Едигее, ни о каких бедах от татар не будет сказано, за исключением абстрактного заявления

⁵⁵ Грамота, текст которой привел основной летописец, напоминала о прежнем старшинстве тверского рода по сравнению с князьями московскими и владении им Владимирским великим княжением. Договор 1399 г. Василия Дмитриевича с отцом Ивана Михайловича Михаилом Александровичем предусматривал совместные действия Москвы и Твери в случае столкновения с Литвой. При этом Василий Дмитриевич брал на себя обязательства с Витовтом и Литвою без тверского князя «любви не взят(и), ни без твоих детей, ни внучат». Тверской князь называется в договоре братом московского, в то время как братья самого Василия Дмитриевича (и Владимир Андреевич Серпуховской) — «братиеною молодшею». Договор распространялся и на время после смерти Михаила Александровича: «А се докончание нам и нашей брат(ь)и меншей, и нашим дѣтем и нашим внучатомъ» (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 345–348).

⁵⁶ Самый яркий пример — так называемое «Предисловие летописца княжения Тверского».

⁵⁷ См.: Конявская Е. А. Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании. С. 92–93.

о том, что татары после заключения перемирия Литвы и Руси «отъидоша, въ помощи мѣсто многу пакость сътвориша христіаномъ, гнѣваюцесе на великого князя Васи́ліа; и оттолѣ начаша зліи мыслити на землю Рускую, якоже старци прорекоша и глаголаша».

Дальнейший текст — с обращением к Варлааму (видимо, заказчику этого рассказа⁵⁸) — представляет собой публицистическое сочинение, в котором вычлениаются вступление, повествовательная часть и заключение. Во вступлении автор дважды заявляет, что хочет написать «властодрѣжець ради, рекше князеи ради» (т. е. в качестве исторического урока князьям) о причинах отказа тверичей помогать москвичам против Литвы, хотя те и обязаны были это делать по договору 1399 г. Он вновь возвращается к рассказу о Плаве, уже целенаправленно останавливаясь на заключении перемирия, когда Василий Дмитриевич тайне от бывших тут же тверских князей и воевод в перемирной грамоте «не написа честно имѣни брата своего великого князя Ивана Тѣрскаго, но написа и послѣ братіи своей», которая тверским великим князьям приходилась «братией младшей». Т. е., согласно нормам вышеупомянутого договора 1399 г. («честно»), после имени Василия Дмитриевича должно следовать имя «его брата» Ивана Михайловича, а затем должны идти все прочие — «братия младшая». Возмущенные князья и воеводы сообщают о случившемся Ивану Михайловичу, и тот сетует, что нарушил традиционно добрые отношения с Витовтом («яко же отци и дѣди наши всегда мирни бываху съ Витовтомъ, такоже и азъ») ради неблагодарных москвичей. Таким образом, летописец подчеркивает, что Иван Михайлович, как и его предки, вел самостоятельную политику по отношению к Литве. Поэтому, как показывает летописец, тверского князя особенно оскорбляет то, что его имя поставлено в договоре «безо чти» «въ вся страны». Завершается эта часть повествования очередным повторением: «И оттолѣ не въсхотѣ помагати москвичемъ». Рассказ изобилует прямой речью, которая призвана не столько буквально передать слова, произносимые тогда тверичами, сколько сделать повествование более художественным и убедительным.

В качестве заключения автор помещает пространное рассуждение (вновь с обращением к заказчику) о пронырстве дьявола, который «плениет» христиан различными способами — нашествием иноземцев или ставя между самими христианами «непріязненна гордостныя мрежа» — «высокомыслие».

Как уже говорилось, на этом летописец не прервал свой труд, а продолжил писать о событиях 1407 и 1408 г. В этом смысле «Повесть о Плаве» не была создана как самостоятельное произведение, хотя, возможно, в таком качестве заказывалась.

Наконец, можно сделать предположения о характере тверских летописных источников ТвС, отразившихся в статьях за начало XV в. Один из источников представляет череду тверских известий, имеющих совпадения с Тр и другими летописями, восходящими к Своду 1408 г. При этом характерно, что в ТвС попал не весь тверской материал этого свода. Как отмечалось, в Тр читается целый ряд тверских известий, отсутствующих в ТвС. В основном они касаются событий церковных. Видимо, выборка производилась для великокняжеского свода.

Другой слой тверского материала представляет собой оригинальные известия. Они касаются разного рода деяний тверских князей, иногда это лишь добавление «тверской информации» в сообщения об общерусских событиях. Вместе с тем очевидно, что летописец имел доступ к материалам великокняжеской канцелярии: им была использована грамота, посланная Иваном Михайловичем Василию I.

Один текст, относимый к этому источнику, может даже пролить свет на место его составления. Это известие под 6916 г.: «Тои ж весны поводъ велика о Юріевѣ дни (в Забелинском бысть мѣсяца апреля въ 23 день на память святого великомученика и побѣдоносца Христова Георгия) и поня вода въ Тѣри до церкви (в Забелинском даже до самыя церкви), черници на плотѣхъ издиша къ святому Феодору» (Стб. 474). Фиксация такого частного локального факта, скорее всего, указывает на связь летописца с местом, о котором говорится. Поскольку речь идет о Твери, естественно думать, что

⁵⁸ Думается, продемонстрированная близость летописца к описываемым событиям не позволяет отождествлять заказчика летописи (или только вставки) с архиепископом XVI в.

упоминаемая безымянная церковь и есть «святой Федор», т. е. главный храм Феодорового монастыря, располагавшегося на острове в устье Тьмаки. Такое место должно было затопляться в первую очередь (что и происходило⁵⁹), и монахам необходимо было на плотках добираться на службу от келий до собора. Феодоровский монастырь был одним из древнейших в Твери, являлся книжным центром⁶⁰. Как показано В. А. Кучкиным, возможно, игумен этого монастыря Иван был одним из духовников великого князя Михаила Ярославича⁶¹. Из более поздних летописных известий можно узнать, что монастырь был архимандритией⁶². Таким образом, вполне вероятно, что в Феодоровом монастыре велась летописная работа, однако ее плоды не получили широкого распространения и из дошедших до нас сводов отразились лишь в ТвС.

Третий источник представляют рассмотренная выше вставка в статью 6916 г. и, возможно, статья 6912 г. По всей вероятности, эти тексты были написаны неким тверским летописцем по заказу редактора-сводчика, который обнаружил недостаток информации по «литовской теме». Думается, такой сбор материала происходил уже после создания тверской версии Свода 1408 г. (Свода 1411 г.), в котором обнаружился значительный пробел в статьях за начало XV в. Впрочем, был ли Свод 1411 г. именно сводом? Или, быть может, местной обработке подвергся какой-то его участок перед включением в свод тверской? В этом случае мы имеем дело с попыткой соединить этот отредактированный фрагмент с тверской летописью и специально подготовленными для нового свода текстами (статья 6912 г. и часть статьи 6916 г.). Написанный по заказу текст создавался спустя несколько лет после описываемых событий — об этом говорит объединение в одном известии информации за несколько лет (своего рода «история события»), а также готовность автора делать выводы и обобщения — ему, в частности, известны последствия попытки союза московского князя с татарами (разорение русских земель Едигеем). При этом использовались черновые записи, делавшиеся по следам событий (о чем свидетельствует наличие в тексте точных дат). Автор этого текста имел в своем распоряжении Повесть о Едигее, которая читается в Рог. Ее текст и идеи оказали на летописца заметное влияние, что, в первую очередь, отразилось в использовании апелляции к мнению «старцев» и мотива исторических уроков для властодержцев, которые, благодаря усилиям книжников, могут быть извлечены ими из летописей, рассказывавших о поучительном прошлом.

⁵⁹ О затопляемости этого района см.: Салимов А. М., Салимова М. А. Застройка северной части Затьмацкого посада Твери в XIII—XVIII веках // Литература Тверского края в контексте древней культуры. Тверь, 2002. С. 92.

⁶⁰ О созданной в нем рукописи — Церковном уставе (на греческом языке), которая митрополитом Исидором была увезена в Рим и до сих пор хранится в Ватиканской библиотеке, см.: Красносельцев Н. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885. С. 22—23; Попов Г. В., Рындина А. В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV—XVI веков. М., 1979. С. 22—24, 85, 148—149. Под 1321 г. в летописях зафиксирована закладка, а позже и освящение в монастыре каменного собора св. Феодора.

⁶¹ Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 232.

⁶² В ТвС под 6929 г. читается: «Мѣсяца іюня въ 1 день (в Забелинском на память святого мученика Устина Философа) заложена бысть церковь каменна свягата Феодора Тирона въ градъ Твери, а ветхую разориша, при благовѣрномъ великомъ князи Иоаннѣ Михайловичи и при епископѣ Антоніи. Тои же осени, мѣсяца октября въ 5 день (в Забелинском на память святыхъ мученицѣ Мамелфы), священна бысть церковь каменная святыхъ Феодоръ въ градъ Твери епископомъ Антоніемъ, при благовѣрномъ великомъ князи Иванѣ Михайловичи, архимандритію тогда держащу Феодосію того монастыря» (Стб. 487). Позже, как известно из ТвС и «Слова похвального» инока Фомы, после переустройства острова князем Борисом Александровичем архимандрития была перенесена в Григорьевский монастырь (в Затьмачьи).